

Трупный возраст

April 8, 2025

Жаркое лето особенно невыносимо для меня, не говоря уже о постоянных дождях, доводящих до безумия.

Зверские боли терзают моё тело, внутри всё вздувается и лопается, да так, что иногда я падаю в обмороки.

Каждый собственный шаг сопровождается ударами тысячи гвоздей в мою плоть, икры взрываются и сочатся мясом и жирами — и этому невозможно препятствовать.

Но все физические страдания можно перетерпеть, можно отключиться на время. Намного страшнее — выходить в свет. Особенно летом.

Я выгляжу нелепо в шубе, свитере, тёплых брюках с начёсом и обмотанной в шарф шеей, не говоря уже о шапке-ушанке. На вопросы я отвечаю лаконично — у меня рак и это последствия химиотерапии. Мне просто холодно. Хотя мне до ужаса жарко, но я не хочу становиться подопытным кроликом в глазах окружающих, я хочу, чтобы внутренности расплавились от жары и покинули мою оболочку, хочу быть пустым, чтобы не болело.

Солнце слепит глаза, дети рисуют мелом и обводят спящего кота, словно труп, птицы поют. Вроде бы, всё замечательно.

Михаил Фёдорович выходит из своей каморки слишком медленно, он меня раздражает, хотя я такой же заторможенный, как и он.

Он кладёт свою морщинистую руку мне на лоб, стягивает шарф, осматривает и кивает, после чего пропускает дальше.

Я не вижу в этом смысла — проверять, точно ли “наш” человек заглядывает в эту обитель. А кто заглянет, кроме нас? Кто так же сильно пахнет, кроме нас? Разве что, загноившиеся. От них пахнет так тяжело, словно ртутью, и тошнит, а блевать нечем.

Внутри, как и всегда, очень сухо и очень холодно — идеальные условия. Ничего не болит, ничего не гниёт, никто не жрёт. Они сидят на твёрдом полу — поближе к холоду — смотрят по телевизору новости и не поворачивают свои головы, так как знают, что это я. Я всегда опаздываю и прихожу последним.

Пол чистый, но хлоркой, к счастью, не пахнет. Знакомые ароматы земли и сирени — почти каждый из них проводит время далеко отсюда. Когда-нибудь и я стану таким же “упырём” — будут торчать костлявые руки из-под земли, будут снесены плиты и надгробия, будет дикая свободная жизнь.

Но я всё ещё человек, даже если только в моральном смысле. Я привязан к бессмысленной работе, к бессмысленным поездкам в автобусе, к своей вонючей квартире, к шуму машин за окном, к людям вокруг — живым и настоящим. Это,

наверное, стадия отрицания. Но чем дольше я тяну с переездом, с переходом в свою новую оболочку, тем больше страданий мне приносит осознание невообразимой утраты. Умирая, я жаждал пустоты, вакуума, а не обитания в разъединенной туши. Будь мне лет пятнадцать или около того, я бы обрадовался возможности стать настоящим “зомби” и, не задумываясь, примкнул бы к своему братству. Но теперь мне не хватает прежнего юношеского максимализма и безумия.

Главный, — чьё имя стёрлось на могильном камне, а он сам его забыл, — торжественно поднялся на свои остатки ног и, ковыляя, покинул помещение, вернувшись со связанным парнем лет двадцати. Живой.

Нужен всегда живой, чтобы замедлить процесс гниения, чтобы поощрять мозг и не погрузиться в хандру.

Каждый берёт кусок самостоятельно, истошные вопли юноши, конечно, никого не смущают, к тому же, уже через пять минут с лишним он потерял сознание — то ли от страха, то ли от болевого шока.

Мне досталось бедро. Хорошая часть, всегда мясистая, даже если попадают дрыщи. Вкус терпкий, обычный мясной фарш, только осознание того, что это чёртова человечина воротит и тянет блевать, но, увы, блевать я не могу чисто физически, поэтому продолжаю жевать.

Один из “зомби” вспорол брюхо уже почти не дышащему парню, стал доставать, словно связку сарделек, кишечник. Завоняло говном. В отличие от своих собратьев, моё тело совсем свежее, три недели всего, и мои рецепторы пока не вымерли окончательно, я ощущаю и чувствую происходящее вокруг. И вот это вскрытое брюхо — ой как неприятно.

Внутренние органы меня не интересовали: в лёгких есть нечего, сердце отдаётся главарю, печень всегда твёрдая, а остальное просто отвратительно. Брезгливость, конечно, в моём случае неуместна, но меня всё устраивает: перепадаящие конечности довольно сытные.

Когда пиршество подошло к концу, главарь вытянул тушку обратно за территорию помещения, и я понял — он не вскрыл черепную коробку, не достал мозг, не раздробил голову жертвы. Значит ли это, что он хочет оставить мальчишку на дороге между окончательной смертью и нашим существованием? А сколько боли будет приносить вспоротое брюхо...

Но меня это волновать не должно. Меня волнует только собственное тело.

Они смотрели в ожидании. Я, как владелец и хозяин своих голосовых связок, — в отличие от немых собратьев, — должен был произнести своё решение. Должен уже примкнуть к ним. Но мне страшно.

—Пока нет.. мне счета надо в банке закрыть и всё такое...

Стеклянные глаза и отсутствие мимики смущает. Я никогда не понимаю, что они думают, как они думают, что испытывают, если испытывают вообще. Они настоящие трупы с живым мозгом, но они заперты в мёртвых телах, и у них нет возможности контактировать с окружающими, используя это тело, как средство передачи информации. И я когда-нибудь таким буду. Буду только пожирать живых людей и лежать под землёй.

—Я пойду, наверное... до свидания.

Я хотел было встать, но чужие руки впились мне в икры и потянули вниз, моё тело упало, я смотрел наверх, на измождённые, полусгнившие, где-то сожжённые, где-то порванные лица, и не знал, видно ли в моих глазах страх.

Кожу снимали скальпелем, на удивление, осторожно и бережно.

Желудок, проеденный червями и микроорганизмами, вытянули; вытянули всё. Вот это были ощущения.

Сначала мясо, жировая прослойка, волосы, губы, нос. Я зажмурился. Только не глаза. Только не глаза.

Глаза оставили. Но к моему несчастью, ибо стоило мне взглянуть вниз, как я захотел кричать — но не мог. Кости, покрытые мышечными связками, просто скелет, без прежней защитной оболочки. Теперь ничто не гниёт и не болит, никто не лакомится моими внутренностями. Вот только холодно.

Меня тянут, словно безвольную игрушку, и я поднимаюсь. Двигаюсь. На меня смотрят, а я чувствую себя голым, отвратительным и гадким.

Мышцы, повсюду мышцы, проколотые в зоне брюха, с огромной дырой, торчащие рёбра, тёмное пространство, словно пещера, я красный человек, или красный труп.